

Самъ присталь... увязался!..

Сломавъ переходъ въ тридцать слишкомъ версть, полкъ нашъ прибылъ въ дер. Худяюпу и здѣсь заночеваль.

Я прошелъ въ отведенную мнѣ фанзу, на которой мѣломъ было предупредительно начертано: фатера 6-й роты командера, и теперь отдыхалъ, поджидая своего вѣстового. Кузнецовъ былъ въ обозѣ, который, при манчжурскихъ бездорожьѣ и распутицѣ, по обыкновенію гдѣ-то застрялъ и прибывалъ съ опозданіемъ.

День склонялся къ вечеру. Тишина царила поразительная. Во дворѣ было такъ тихо и пусто, казалось, все вымерло, и нѣтъ живой души. Однѣ только собаки, потревоженные моимъ появленіемъ, не могли никакъ успокоиться: худыя, какъ скелеты, съ ошестинившеюся шерстью, глухо и злобно ворча, онѣ уныло бродили по двору, нигдѣ не находя себѣ мѣста, и вдругъ, точно по командѣ, принимались лаять по моему адресу. Да въ сосѣдней половинѣ, гдѣ помѣщалась семья хозяина, чувствовались тревога, страхъ, безпокойство. Домочадцы здѣсь суетились, подобно чернымъ тараканамъ; таинственно о чемъ то совѣщались; кого то, очевидно, боялись; отъ кого то что-то прятали; по одиночкѣ куда-то бѣгали, и снова собирались все вмѣстѣ.

Разъ ко мнѣ заглянулъ китаецъ-старикъ. Онъ робко вошелъ, нѣсколько разъ низко мнѣ поклонился, постоялъ, посмотрѣлъ и молча вышелъ, не получивъ ни привѣта, ни отвѣта.

А мнѣ было не до него. Усталый, голодный и грязный, я въ изнеможеніи опустился на канѣ. Свернулъ дождевой плащъ, сунулъ его подъ голову и, растянувшись во весь ростъ, сладко забылся. Сколько я проспалъ—не знаю, а проснулся, будучи потревоженъ происходящею на дворѣ суматохою: это прибылъ нашъ обозъ. Я ему, какъ родному, обрадовался и тотчасъ же закричалъ: Кузнецовъ!... Послѣдній что то не торопился предстать предъ мои очи и, должно быть, не слышалъ меня.

Я выглянулъ изъ фанзы и увидѣлъ прибывшія съ офицерскими вещами двуколки, хлопотавшихъ возлѣ нихъ деньщиковъ, а въ сторонкѣ одиноко стоящаго и сладко дремлющаго ослика, привязаннаго у кормовой колоды, неизвѣстно кому принадлежащаго. Въ воротахъ мой Кузнецовъ горячо, до взаимныхъ оскорбленій включительно, спорилъ съ китайцемъ. Послѣдній пытался проникнуть во дворъ, а Кузнецовъ не пускалъ и, отгоняя, покрикивалъ на него, какъ настоящій китаецъ: «Цуба, ходя, цуба!»¹⁾

Разсвирѣпѣвшій китаецъ, въ свою очередь, какъ индѣйскій пѣтухъ, наскакивалъ на Кузнецова и легко отчитывалъ его на китайскомъ діалектѣ.

«Люсска солдатъ шипка машинка!... Карабачя... Тунъ-тунъ-тоянъ хунхузы!!!»²⁾ какъ изъ рога избылія сыпались на бѣдную голову Кузнецова. Тотъ увѣрялъ, что «машинки мію»... «карабачи нѣту»³⁾... Но китаецъ его и слушать не хотѣлъ; проскользнулъ какъ то во дворъ и бросился къ ослику. Кузнецовъ поспѣшилъ сюда же.

Ничего не подозрѣвавшій осликъ по прежнему предавался сладкой дремѣ, тогда какъ около кипѣли, бушевали страсти. Китаецъ завладѣлъ было осломъ, но Кузнецовъ рѣшилъ вернуть его силой. Между нимъ и китайцемъ завязалась ожесточенная схватка. Размахнувшись во всю мочь молодецкаго плеча, Кузнецовъ приготовился разить китайца на смерть, но промахнулся и изо всѣхъ силъ хватилъ по ни въ чемъ неповинному ослу. Отъ боли, совершенной неожиданности и съ просонковъ тотъ дико заревѣлъ. Сильно согнутый китаецъ, пойманный Кузнецовымъ за кося, тоже вопилъ на весь дворъ: «капитана, капитана!»...

1) Прочь, товарищъ, прочь!

2) Русскій солдатъ большой мошенникъ. Укралъ... Веѣ вы тоже, что хунхузы.

3) Я не мошенникъ, я не укралъ.

Увлеченные схваткой деньщики, доселѣ не принимавшіе прямого участія, теперь кричали, надсаживаясь: Гришка—чортъ! дай ходъ ⁴⁾ раза, чтобъ не оралъ, какъ зарѣванный!»

Получился нестройный, но громкій концертъ. Я поспѣшилъ на выручку китайца, для водворенія порядка и къ разбору дѣла.

— Что за баталія у васъ происходитъ? спросилъ я Кузнецова.

Заслышавъ меня, онъ отпустилъ китайца не съ миромъ, какъ бы слѣдовало, а съ сожалѣніемъ, и весь красный, негодующій, съ блестящими глазами, возбужденно сталъ мнѣ докладывать.

— Да, вотъ, ваше бродіе, китай пристааетъ, самъ не зная чего. Шли мы—вѣстовые—сюда походнымъ порядкомъ; идемъ путемъ-дорогою, промежъ себя разговариваемъ; идемъ и не видимъ ничего. Оглянулись назадъ—бѣгить ишакъ; бѣгить скоренько такъ, насъ догоняетъ. Мы остановились, постояли, посмотрѣли, да и пошли своею дорогою. «Какое, молъ, намъ до него дѣло! Онъ намъ не товарищъ»... Идемъ дальше. Ишакъ за нами, а за ишакомъ поспѣхаетъ вотъ этотъ китай. Мы его разъ отогнали, другой...

— Кого, китайца?

— Никакъ нѣтъ. Ишака, ваше бродіе. А енъ все не отстаеъ и пристраивается къ намъ сзади, вродѣ какъ бы замыкающимъ. Увязался за нами, да и прибѣгъ сюда.

— А китаецъ зачѣмъ здѣсь?

— Зачѣмъ здѣсь китай не могу знать, ваше бродіе.

Дѣло запутывалось и становилось подозрительнымъ.

— Ничего не понимаю, принужденъ былъ я сознаться и снова сталъ спрашивать Кузнецова: китаецъ собственникъ осла, что ли?

— Не могу знать, кого онъ собственникъ. Развѣ ихъ поймешь: народъ аховый! Мы, вотъ, шли сюда съ нимъ по хорошему, разговаривали по-пріятельски, вмѣстѣ трубочку покуривали, табачкомъ дѣлились. И онъ даже нашъ табакъ похваливалъ все. «Люсска табоска иш-ипка шанго!.. говоритъ. А со мной... такъ совѣмъ на короткую ногу повелъ себя, закадычнымъ другомъ—пріятелемъ сталъ. «Мы, говоритъ, съ тобой шинка знакомы, шипка знакомы!» А теперь, вотъ, какъ пришли сюда, онъ скандалить, ругается и въ драку лѣзетъ. Развѣ-жъ это хорошо?! Меня ни за что ни про что, фунцузомъ обозвалъ. Говорить мнѣ: ты—шипка машинка. Развѣ-жъ это не обидно?! Я солдатъ; служу вѣрой и правдой, а тутъ всякая дрянъ лается. Прикажете ему шею накостылять, ваше бродіе... неожиданно для меня закончилъ Кузнецовъ.

— Стой, братъ, стой. Это ты всегда успѣешь.

⁴⁾ Товарищу.

Я зналъ, что въ докладѣ не безъ передержекъ и въ этомъ дѣлѣ не безъ грѣха: очень ужъ заинтересованъ былъ Кузнецовъ въ приобрѣтеніи ослика. Съ нимъ онъ не давалъ мнѣ ни отдыха, ни сроку.

— Безпремѣнно намъ надо ишачкомъ обзавестись!.. приставай онъ ко мнѣ.

— Не было еще печали! Чтобъ по утрамъ спать не давалъ дикимъ ревомъ?..

— Полезная бестія!.. не слушая меня, продолжалъ Кузнецовъ: весь то, вѣдь, съ узелокъ, а между прочимъ—сколько ни клади на него, претъ какъ ни въ чемъ ни бывало. Здоровенные черти!!! разсыпался онъ въ похвалахъ своему протезе. — Купили бы мы ишачка; обладили на него сѣдельце, приторочили вьюки, и дѣло въ шляпѣ!.. Тогда намъ походы ни по чемъ. Наплевать на нихъ!.. Приказъ о выступленіи, а мы за осла. Сейчас на него постель, вьюки. А въ нихъ сунулъ пару бѣлья, кой-чего перекусить, по малости выпить, папирсы и прочій мелочной приборъ. Гуляй, баринъ!..

— А ты-бы на него взвалилъ свою шинель—скатку, вещею мѣшокъ и остальные воинскіе доспѣхи. Такъ или нѣтъ? Знаю я, изъ-за чего ты распинаешься: чтобъ самому налегкѣ совершать походы.

Кузнецовъ только усмѣхнулся на мои слова, но отрицать ихъ не сталъ и продолжалъ.

— Вы-то, стало быть, съ ротою, а я съ осломъ въ хвостѣ за вами.

— Прелестная получилась-бы картина! не утерпѣлъ я, чтобы не замѣтить.

Но Кузнецовъ не былъ шокированъ ею и дорисовывалъ до конца.

— Гдѣ остановка иль привалъ какой, сейчасъ я передъ вами, какъ листъ передъ травой, и было-бъ вамъ что выпить, закусить!.. прельщалъ онъ меня. А обозъ... когда его еще дождешься? Вонъ г.г. офицеры, не глупѣй насъ, а всё ишачковъ себѣ купили,

— А у меня на глупости денегъ нѣтъ, обрывалъ я надоѣвшія мнѣ разглагольствованія.

Кузнецовъ умолкалъ, а черезъ секунду снова «бубнилъ»:

— Оно точно, что не хорошо, коль грошей нема. Да, не Богъ вѣсть сколько ихъ требуется: всего какую-нибудь пятишку.

— А кормить чѣмъ будешь? Акридами и дикимъ медомъ онъ сытъ не будетъ.

— Кормить!... веселѣлъ Кузнецовъ. Прокормимъ, ваше бродіе. Объ эфтомъ вы не сумлѣвайтесь. Много-ли ему надо?! Они трекають, что попало. Объ кормѣ не извольте беспокоиться.

— Ну, ладно. Навернутся деньги, куплю.

Ободренный благопріятнымъ рѣшеніемъ, Кузнецовъ пускался въ такіе тайники, куда-бы ему, какъ деньщику, не слѣдовало совать носа.

— Вотъ вы, ваше бродіе, лукаво улыбаясь, закидываль онъ удочку, малую толику въ карты, кажись, выиграли? Не получивъ отвѣта, онъ сокрушенно вздыхаль.—Ну, а только ишакъ намъ нужень. Постоявъ еще секунду, двѣ, онъ уходиль озабоченный, размышляя вслухъ: «Придется, видно, самому обмозговывать это дѣло».

И вотъ, въ результатѣ такихъ его стараній, мнѣ и предстояло ликвидировать исторію съ осломъ, что, при незнаніи китайскаго языка, представляло немалый трудъ. Но китаецъ торчалъ передо мною, какъ бѣльмо на глазу, и я рѣшилъ: Ходя!.. позваль я его.

— Э-э!.. отвѣтилъ онъ мнѣ, и дальше, разинувъ ротъ, слушалъ меня со вниманіемъ.

— Ишакъ твой, что-ли?

Китаецъ любовно поглядываль на ослика, нѣжно гладиль его по спинѣ, а мнѣ сурово буркнулъ: путунда!.. ⁵⁾

— Ахъ, пропади ты пропадомъ съ твоей путундой!..⁶⁾ потерявъ терпѣнье, вспылиль я.—Бери ты валаамову ослицу и утекай съ глазъ долой. Чтобъ я васъ съ нею не видѣлъ!.. А такъ какъ китаецъ, хлопая на меня глазами, продолжалъ стоять, какъ истуканъ, то я обмоталь вокругъ него поводъ осла и заревѣлъ на обоихъ разомъ: Цуба, чортъ васъ дери, цуба!.. ⁷⁾

Китаецъ оказался не обидчивымъ. На мое столь нелестное пожеланіе счастливаго пути онъ не только не обидѣлся, а отвѣтилъ мнѣ сугубыми поклонами и лестью: «Люсска капитана шинка шанго. Кар-сива, кар-сива!»... ⁸⁾ лѣстиль онъ на ходу, улепетывая отъ меня во всѣ лопатки.

— Ва-аше бродіе!.. взмолился Кузнецовъ. — Купить бы у него ишачка. Дать китаю какую-нибудь трепницу, нехай ему чертяка приснится. Онъ былъ бы премного благодарень, а вѣдь ишакъ намъ нужень.

— Покупай, только отстань отъ меня, ради Бога, сказалъ я и пошелъ къ фанзѣ. А Кузнецовъ бросилъ догонять китайца.

— Маманди, ходя! кричалъ онъ ⁹⁾ ему.—Моя купи ишака; тебѣ деньги давай, тунда? ¹⁰⁾

Китаецъ съ нимъ разговаривать не пожелалъ, а вернулся ко мнѣ.

⁵⁾ Не понимаю.

⁶⁾ Съ твоимъ непониманіемъ.

⁷⁾ Прочь, чортъ васъ дери, прочь!..

⁸⁾ Русскій капитанъ очень хорошій. Красивый, красивый.

— Капитана ишака купи... Тебѣ чены давай, тунда? толмачиль по пути Кузнецовъ. — У капитана ченовъ многа—многа... ¹¹⁾.

Я досталъ портмонѣ, вынулъ двѣ трехрублевки и подаль китайцу. Тотъ ихъ взялъ, долго разсматривалъ и сразу началъ канючить.

— Капитана! китайцу кушь-кушь мою, кушь кушь нѣту. У капитана ченовъ многа-многа, а у китайца ченовъ нѣту ¹²⁾, плакался онъ.

Я прибавилъ еще трехрублевку.

Онъ ее жадно схватилъ. Приобщилъ къ остальнымъ, а мнѣ нахально заявилъ: «Шипка мало есть!»

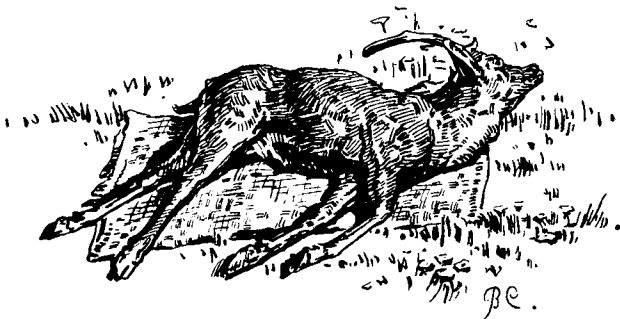
Я прибавилъ еще и еще. Содравъ съ меня 15 руб. (красная цѣна ослу была 6—7 руб.), китаецъ остался, наконецъ, доволенъ; закланялся мнѣ въ поясъ и снова окурить лестью, не упуская случая ругнуть Кузнецова.

— Люсска капитана шипка шанго, а люсска солдатъ—машинка, хунхузъ!..

Готовый разорвать китайца на части, Кузнецовъ стоялъ и ворчалъ себѣ подъ носъ:

— Сами вы мошенники и жулики. До денегъ, какъ жида, падки. За такую, можно сказать, мразь, плевка не стоящую, и вдругъ: 15 рублей! Да у насъ въ Рассей за такія деньги лошадь купишь. Погодите, косоглазые черти, придетъ время-сосчитаемся!..

В. Скороковъ.

⁹⁾ Стой, товарищъ.

¹⁰⁾ Я куплю ишака; деньги заилачу, понимаешь?...

¹¹⁾ Капитанъ купить ишака; тебѣ деньги заплатить. У капитана денегъ много-много.

¹²⁾ Китайцу ѣсть нечего. У капитана денегъ много, а у китайца нѣтъ.